

С О О Б Щ Е Н И Я

Э. ГРЕЙВЗ-АБАЙИЛЬ

О МОЕМ ОТНОШЕНИИ К ХРИСТИАНСТВУ

От редакции.

Ниже с незначительными сокращениями публикуется заметка ганаянца Э. Грейвз-Абайиль — первого представителя «Черной Африки», приславшего статью в советский исторический журнал. Грейвз-Абайиль — бывший христианский церковнослужитель, порвавший с христианской религией и призвавший своих соотечественников последовать его примеру. Редакция разделяет не все мысли автора. Грейвз-Абайиль совершенно прав там, где он оценивает христианское миссионерство как идеологическое орудие колониализма и указывает на несовместимость религии и науки. Он неправ там, где призывает к восстановлению старинной религиозной обрядности ганаянцев (речь в данном случае идет об обряде наречения имени у фанти, явственно отразившем веру в магию и культ предков), ошибочно рассматривая эту обрядность как безрелигиозную и соответствующую «принципам здоровой морали и интеллекта». В целом же заметка Грейвз-Абайиля представляет большой интерес. Нет сомнения в том, что со временем прогрессивные ученые молодой республики Ганы сумеют возродить и развить культурное наследие своего народа, в том числе его традиционную обрядность, полностью отделив ее от всякой — как христианской, так и дохристианской — религиозной шелухи.

До настоящего времени история Африки представлялась частью английской, французской, бельгийской истории. Не изучена и ранняя история Африки. Между тем на этом континенте в наше время образовался ряд независимых государств, история и культура которых требуют самого внимательного изучения.

Из помещенной в журнале «Observer» статьи «Отношение Советского Союза к развитию Африки» я узнал, что советские люди проявляют большой интерес к африканской культуре. В этой статье, в частности, сообщалось о создании в Москве, в системе Академии наук СССР, специального научно-исследовательского института Африки. основной задачей которого является изучение истории Африки и ее современных экономических и политических проблем¹.

Опубликованная мной в журнале «Freethinker» статья «Гана и психологическая независимость»² имеет непосредственное отношение к проявляемому в Советском Союзе интересу к африканской культуре.

Никто не станет отрицать, что экономическая и политическая независимость играют первостепенную роль в жизни каждого народа. Но едва ли можно считать полностью независимым и свободно развивающимся народ, не имеющий духовной или культурной независимости. Настало время говорить и об этой форме независимости, к которой ганаянцы должны стремиться и за которую должны вести борьбу.

Одна из причин господства белых над народами «Черной Африки» заключается в том, что африканцы беспрекословно приняли христианскую религию, богословие, этические принципы (например, в вопросах развода и полигамии) и обряды. Между тем, народ можно считать зрелой нацией лишь в том случае, если он не отказался, например, от своих законов, традиций и обрядов, не заменил их соответствующими обрядами другого народа. Отказываясь от этой части культурного наследия, народ тем самым показывает, что сам он не способен определить, что для него важно, ценно и близко.

Христианская миссионерская проповедь есть психологический и интеллектуальный империализм белых по отношению к аборигенам, живущим в сфере деятельности миссионеров. Насаждая христианскую религию и все, что с ней связано, миссионеры, опираясь на учение Христа, стремятся подчинить аборигенов влиянию богословских центров Европы.

Ганаянцы до сих пор сосредоточивали свое внимание исключительно на истории, цивилизации и теологии западного мира. Сейчас для них настала пора заняться исследованием своего прошлого для того, чтобы собрать, тщательно проанализировать, оценить, а затем заботливо развивать дальше свое культурное наследие.

¹ «Soviet views on African Development», «Observer», London, 18 октября 1959 г.

² «Ghana and Psychological Independence», «Freethinker», London, 12 июня 1959 г.

* * *

Позволю себе воспроизвести здесь с небольшими дополнениями мою статью, опубликованную в журнале «Freethinker» под названием «Обряд крещения у ганаянцев». В ней сравнивается обряд наречения имени в ганаянском племени фанти, к которому принадлежу, с крещением у христиан и оценивается, какой из этих обрядов более популярен и более действенно передает основные принципы здоровой морали и интеллекта.

У фанти родители выбирают имя того или иного родственника или члена племени, чей достоинства и характер должны служить образцом для ребенка. Иногда выбирается имя в память родственника либо какого-нибудь другого лица, или в честь какого-нибудь события. Например, мы с женой с гордостью называли нашего сына «Квеку Гана», так как он родился 6 марта 1958 г., в первую годовщину независимости Ганы. «Квеку» — в память моей любимой матери, «Гана» — в честь моей любимой родины.

Родственники и другие члены рода собираются обычно на восьмой день после рождения ребенка. Глава рода или же дядя или тетка берет ребенка на колени. После этого начинается важнейшая часть обряда. Тот, кто держит ребенка на коленях, спрашивает во всеуслышанье, как родители хотели бы его назвать. Родители называют имя и объясняют, почему они хотят дать его ребенку. Нарекающий имя, назвав ребенка по имени, опускает кончик пальца в воду и, смочив язык ребенка, говорит «Имярек, если ты скажешь, что это вода, значит это вода». Это делается три раза. Затем то же трижды повторяется с вином: «Имярек, если ты скажешь, что это вино, значит это вино». После этого нарекающий имя, поднявшись, совершает сначала водой, а потом вином возлияние усопшим предкам, поручая ребенка их заботе, любви и защите. Вслед за этим хозяева угощают всех присутствующих вином и освежающими напитками. Ребенку делают подарки, и, глядя на малыша, гости и хозяева произносят при этом шуточные дружеские благопожелания.

Значение обряда с водой и вином таково. Ребенок — человеческое существо. Поэтому, когда он вырастет, он должен осознать, что если он говорит «вода», он должен подразумевать под этим именно то, что говорит. Если же ребенок называет что-то вином, то он должен подразумевать под этим не воду, а вино. Другими словами, он должен признавать закон тождества. В соответствии с принципами морали ребенок должен быть честным, правдивым и верным своему слову и убеждениям. Чтобы заслужить доверие, он не должен говорить одно, а думать другое. Кроме того, вода символизирует мягкость, а вино — твердость характера. Ребенок должен совмещать оба эти качества. В зависимости от обстоятельств он должен быть непреклонным или мягким.

Возлияние воды и вина — простой, но серьезный обряд, близкий коренному населению Ганы и широко там распространенный. Он совершается в память усопших родственников и предков. Обряд служит как бы напоминанием о них; во время обряда к предкам обращаются, как к живым. При этом африканцы не тратят напрасно время на размышления о том, продолжают ли их умершие родственники и предки существование после своей смерти. Обряд возлияния неизменно сопровождается импровизированными речами, насыщенными пословицами и поговорками, исполненными глубокой народной мудрости.

Теперь вместо этого обычая в моем народе все шире распространяется новый обряд, по которому ребенку дается имя одного из святых (какого-то белого человека, жившего сотни лет назад в иной части земного шара, в иных условиях, в ином окружении, и чья жизнь, по писанию, была полна чудес); при этом ребенку льют на голову воду, сопровождая этот обряд словами: «Крещу тебя во имя отца и сына и святого духа».

* * *

Не по своей вине, не по своему решению или выбору ганаянец вынужден исповедовать чуждую его народу религию, завезенную в его страну из другой части света расположенной за тысячи миль от его родины, а именно — христианскую религию восточной и католицизма, в частности. Но теперь ганаянец начинает осознавать неизбежное неразрешимое противоречие, существующее между лицемерием богословов, с одной стороны, и Новым Заветом, особенно «Деяниями» и «Посланиями», — с другой. Его ставит в тупик факт существования в лоне христианской религии «истинного» католического и «истинного» протестантского обществ, каждое из которых вовлекает в свои ряды сотни миллионов людей — факт, бросающий тень на христианскую религию, поскольку ее учение послужило основой для двух противоборствующих лагерей.

Ганаянец начинает понимать, что его связь с этой религией была не чем иным, как напрасной тратой сил, причиной беспорядка и путаницы в его голове и ослаблением его воли. Он начинает сознавать, что был бы лучше и счастливее, если бы не был связан с этой религией; созерцая и познавая вселенную, явления природы и связывающие их отношения, он излечил бы более возвышенную, содержательную, более непосредственную и правдивую религию, чем та, которую он получает от чтения Нового

завета (поскольку отношения между явлениями природы познаются наукой, а не воображением богословов). И он понимает, что единственно возможное отношение к той религии, единственный способ восстановить нормальное состояние духа и начать жизнь снова, освободившись от чуждых мнений, теорий и идей, состоит в том, чтобы искренне и во весь голос признать, что его связь с христианской верой вообще и с католицизмом в частности была жестоким проклятием в полном смысле этого слова.

Он понимает, что такое признание — единственный способ снять с себя это проклятие. И он использует любую возможность публично признаться в своем заблуждении, как это сделал я в своем четвертом письме в «Middlesex County Times», озаглавленном «Как я теперь это себе представляю»⁴. Такой ганаяец понимает, что если бы я посвятил сотую часть времени и энергии, которые он отдал исповеданию христианской религии, на то, чтобы познавать и хранить как зеницу ока культурное наследие своего собственного народа и других африканских народов, то в нем самом не было бы раздвоенности и он принес бы неизмеримо большую пользу своей стране.

⁴ «As I now see it», «Middlesex County Times», London, 2 ноября 1957 г.